

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

РОД И СЕМЕЙНАЯ ОБЩИНА В ЮГОСЛАВСКОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ЗА ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТЬ ЛЕТ

Семейная община (большая семья, домовая община) быстро исчезает в последние годы даже в югославских землях, некогда считавшихся ее заповедником; нетрудно понять поэтому стремление югославских ученых описать эти реликты архаического быта. Наш обзор посвящен работам, относящимся к Динарскому нагорью, где семейная община и родственные коллективы типа «братств» и «племен» встречаются чаще всего. Это — Босния, Герцеговина, Черногория, Далмация, Косово.

Характер изучения большесемейных связей за последние годы изменился. Материал, который в свое время лег в основу обобщающих работ¹, теперь уже недостаточен, тем более, что долгое время он накапливался очень медленно, (за период между первой и второй мировыми войнами была опубликована лишь одна статья, посвященная семейной общине²). Сейчас возникла потребность в конкретных полевых исследованиях. Ныне югославские этнографы либо описывают малозвестные варианты семейной общины, либо обследуют края, где эта работа еще не проводилась. Любопытен в этом отношении вышедший в Загребе в 1960 г. сборник «Крестьянские семейные задруги»³. Он содержит результаты исследований, проводившихся в разных районах страны — в Далмации (в верхнем течении р. Цетина), Хорватии (Лика и верховья р. Купы), Славонии, в низовьях р. Савы. Эти районы изучались в разное время — две экспедиции были проведены в 1959 г., две еще до войны (в 1935 и 1940 гг.). Но схема изучения, выработанная, по-видимому, организатором экспедиций и редактором сборника проф. Милованом Гаващи — одина. Каждая статья содержит характеристику места жительства и генеалогические данные о семье, свидетельства об имевших место разделах, описание имущества (особенно подробно описано жилище), и т. д. Меньше внимания уделено имущественным отношениям. В конце каждой статьи помещен материал о причинах разделов, а еще дальше, петитом — едва ли не самая интересная часть работы — примечания, беседы со стариками, бытовые подробности. Размер статей велик, а весь сборник занимает 35 страниц, но его содержание, несомненно, заслуживает внимания.

Интересны данные о прошлом каждой задруги, о разделах, которые удается проследить с конца XVIII в., и которые совершаются по «коленам». В составе задруг отчетливо выявляются эти колена («корте») во главе со стариками-братьями. Нередко они достаточно многочисленны — одна из ветвей задруги Велики Луцианичи насчитывала 57 чел. В равнинной Славонии задруги встречаются значительно реже, чем в динарском горном районе. Живут, как правило, в одном доме, малых домов для брачных пар, похожих на македонские «троньеви», не строят. Существует некоторое разделение труда — в каждой семье, наряду с «господаром» (хозяином), имеется еще и «хозяин скота» или «хозяин хлеба». В некоторых очерках отмечено существование «особины» — участка, на котором женщины обычно сеяли лен для приданого. В состав задруг иногда включались и чужие, например поденщики. Жаль только, что характер имущественных отношений внутри семей и способы разделов сравнительно мало освещены на страницах сборника, не вызвав, по-видимому, особого интереса у авторов.

¹ См. В. Поповић, Задруга (теорије и литература), «Гласник Земальског музеја у Босни и Херцеговини» (далее — ГЗМ), св. 33, 34, Сарајево, 1921—1922. Об историографии задруги см.: О. Мандић, *Klasni karakter buržoaskih teorija o postanku zadruge*, «Историско-правни зборник», Сарајево, 1950; об исторических корнях ее: Š. Кулишић, *O postanku slovenske zadruge*, «Bilten Instituta za proučvanje folklor», sv. 2, Sarajevo, 1955.

² S. Švob, F. Petrić, *Zadruga Domladovac*, «Zbornik za narodni život i običaji» (далее — ZNZO), 27/1, Zagreb, 1929, стр. 92—110.

³ «Seljačke obiteljske zadruge», «Publikacije Etnološkoga zavoda Filozofskog fakulteta Sveučilišta u Zagrebu», Zagreb, 1960.

В последнее время изучение большесемейных отношений ведется уже по-иному. Работы Н. Павковича и С. Янича о задруге из Ливанского поля и Имлян (Западная Босния) построены на материале не одной, а нескольких семейных общин и дают больше оснований для обобщений⁴. Удастся установить, что боснийская семейная община при турках, т. е. до 1878 г., была широко распространена. Ее укреплению способствовала как фискальная политика османского правительства, так и заинтересованность помещиков в сохранении крепких хозяйств. Позднее, при австрийцах, и даже в канун Второй мировой войны, задруги существовали повсеместно, в итоге разделов возникли новые и зачастую довольно крупные семьи, до 60—65 чел. И до сих пор в каждом селе на обследованной территории имеется по 4—5 задруг, число членов которых колеблется от 15 до 35 чел.

Тип задруг различен. Встречаются состоящие из неродственников («несродничкие»)⁵, но чаще всего «братские» или «сыновьи» («отцовские»). Первые более демократичны — в них отсутствует единоличный контроль со стороны главы семьи, свободнее совершаются разделы. Однако после первой мировой войны растет число именно «сыновьих» задруг. Существование индивидуальной собственности в составе задружного коллектива и ее сочетание с общей — предмет особого внимания авторов. Н. Павковичу удается установить, что личная собственность, именуемая здесь «особац» встречается, как правило, не у женщин, а у мужчин. В нее входит скот, одежда, а в последнее время и земля⁶.

Интересен отмеченный Н. Павковичем порядок раздела большесемейного имущества. Хотя в народе принято считать, что в задруге жить легче и лучше, но тем не менее при разделах возникают уже малые семьи, а задруги сохраняются очень редко. Раздел, как и в глубокую старину, совершается двумя путями — по коленам («ступам»), т. е. по потомству старших братьев, и «по головам». Первым способом делится земля, постройки, скот, инвентарь и мебель, вторым — продовольствие и шерсть (точно так же, как это делалось в Далмации XVI в.)⁷. Сходство с далматинскими порядками не случайно: здесь много переселенцев из Далмации⁸.

К аналогичным выводам приходит и С. Янич, обследовавший задруги в Восточной Герцеговине, близкой к Далмации области, где население занято преимущественно скотоводством и экстенсивным земледелием. Здесь — то же деление на братские и отцовские семьи, та же ограниченность прав домачина, тот же минорат при разделе, когда жилище остается младшему сыну, что и в македонской и сербской задругах. Все это свидетельствует о том, насколько синхронно развиваются семейные общины в наши дни. Разделение труда в них проявляется в существовании не только «хозяина скота», но и «пахаря», «конюха», «пастуха». Любопытно, что здесь в отличие от общины в Хорватии или Боснии, «особину» отвергают, видя в ней причину будущих разделов. Часто доходы от личной собственности передают в пользу всей семьи и лишь при разделе возвращают себе. Причины раздела, по С. Яничу, — плохое ведение хозяйства, ссоры женщины, бедность членов задруги, столкновения из-за шерсти — основного сельскохозяйственного продукта в этих краях (раньше ее пряли вместе, а теперь раздают для прядения по «головам»)⁹.

Кроме Боснии и Герцеговины большие семьи сохраняются также в Косове, автономной области республики Сербия. Это район особого этнического состава, здесь более половины жителей — албанцы¹⁰, здесь и по сей день встречаются остаточные формы родо-племенных коллективов.

Сохранилась ли в этом районе семейная община? Существует мнение, что «племена» и задруги — это два взаимно исключаящих типа родственных коллективов, что сохранение одного из них предполагает исчезновение другого¹¹. Новейшие полевые исследования показывают, что это не совсем так. М. Баряктарович уже писал о сохранении большесемейных отношений в этом районе вплоть до 40-х годов XX в., о значительных размерах отдельных задруг (до 80, а то и 90 чел.) и о разобщенности задругарей, живших иногда в разных местах¹². Но есть и более детальные исследования.

⁴ N. F. Pavković, Etnološko-folkloristička ispitivanja u Livanjskom Polju. Selo i zadruga, ГЗМ, Etnologija, sv. 15—16, 1961, str. 187—202; егo же, Etnološko-folklorističke istraživanja u Umljanima. Društvene i običajno-pravne ustanove, ГЗМ, Etnologija, sv. 17, 1962, str. 117—139; S. Janjić, Porodična zadruga u Istočnoj Hercegovini, ГЗМ, Etnologija, sv. 22, 1967, str. 109—15/44.

⁵ См. М. Филиповић, Несродничка и предвојена задруга, Београд, 1945.

⁶ N. Pavković, Društvene i običajno-pravne ustanove, str. 130, 131.

⁷ М. М. Фрейденберг, «Новиградский сборник» как источник для социально-экономической истории Хорватии, «Славянский архив», М., 1962, стр. 39, 40.

⁸ N. Pavković, Selo i zadruga, str. 199.

⁹ S. Janjić, Указ. раб., стр. 109, 125—127, 129.

¹⁰ Порядки здесь аналогичны тем, которые отмечены для Албании, см.: Ю. В. Иванова, Обычное право Северной Албании как этнографический источник, «Сов. этнография», 1961, № 3.

¹¹ М. Крaснiчи, Siptarska porodična zadruga u Kosovsko-metohijskoj oblasti, «Гласник музеја Косова и Метохије», IV—V, Приштина, 1960, стр. 158.

¹² М. Баряктарович, Традиционные социальные коллективы и этническое самосознание в Косово и Метохи (Южная Сербия), «Сов. этнография», 1969, № 3.

В обширной работе, посвященной теме задружных отношений в Косове, М. Красничи устанавливает, что местная задруга в принципе идентична и сербской и хорватской и большой семье из других районов Югославии¹³. Интересны его выводы о характере жилища — традиционные башни — «кулы» здесь не только высоки, но и очень широки: они приспособлены для жилья большого числа людей (80—85 чел.). Красничи выделяет несколько типов задруг — временно разделенные в связи с отгоном скота в горы, постоянные и задруги со смешанным составом («земледельческо-рабочие», в состав которых входят и земледельцы и лица, ушедшие на заработки). Неродственная (несродничка) семья, в состав которой входят и неродственники, здесь встречается очень редко. Длительное сохранение задруг в косовской области автор объясняет различными причинами, это, во-первых, очень высокая рождаемость; во-вторых, этнопсихологический фактор — патриархальные традиции, когда отделение детей от родителей считалось позором; в-третьих, приниженное положение женщин. Примечательна роль женщины в семье: мужчина, как правило, работает на коллектив, а женщина обслуживает мужа и детей и лишь несколько дней в месяц уделяет общим работам.

Динарское нагорье — район еще сохраняющихся задруг. В недавно опубликованной статье В. Константинович-Чулинович исследует задругу Хорватского Загорья, где большие семьи уже давно исчезают. Еще по подсчетам О. Утешеновича в 1859 г. в 500 домах преобладали семьи от 1 до 10 чел. и лишь в 125 — семьи от 11 до 15 чел. В семьях широко принята индивидуальная собственность, «осебунек». По организации большесемейного быта, планировке дворов и ряду других признаков немногие сохранившиеся в Хорватском Загорье задруги однотипны с задругами из других районов Югославии (даже с Полицей на далматском побережье, как отмечает автор) и с большесемейными коллективами на Кавказе¹⁴.

Судьба южнославянской задруги предопределена. Известный сербский этнограф М. Филипович, в 60-годах обследовавший горные районы страны, установил, что состав членов семейных общин постепенно уменьшается. В Боснии, например, в 1876 г. среднее число членов задруги доходило до 46 чел., а в 1947 г. — приблизительно до 15. В Восточной Герцеговине, где перед первой мировой войной существовали семьи с 80 членами, сейчас они быстро исчезают в связи с нововведениями в сельском хозяйстве¹⁵. В специальной работе М. Филипович анализирует данные об исчезновении семейной общины в Боснии¹⁶. Он хорошо знает советскую литературу и в своей классификации задруг — делении на братские и отцовские — опирается на определение М. О. Косвена. Ему удалось установить, что в округе Модрице в 1851 г. (от этого времени сохранилась опись) 35% задруг были братскими и 36% отцовскими (характер остальных 29% не поддается определению). М. Филипович приходит к выводу, что главный удар большесемейным отношениям в этом округе нанесла не ликвидация турецкого господства, а мировой экономический кризис 1929—1932 гг.

Обследование двух сел под Сараевым, проведенное М. Филиповичем, показало, что большие семьи чаще встречаются у православных (46% из общего числа учтенных семей) и реже у мусульман (20,6%). Все большее распространение приобретает смешанный тип задруги («земледельческо-рабочий», по определению автора), когда большая часть ее членов остается в семье, а часть уходит на заработок в город, по-прежнему сохраняя в доме свое имущество. В числе причин исчезновения задруг М. Филипович называет не только традиционные обстоятельства (рост денежного хозяйства, измельчение земельных наделов), но и такие, как исчезновение необходимости в социальной защите.

У М. Филиповича есть одно попутное наблюдение, на котором стоит остановиться. Он считает, что трудно определить отцовскую задругу, так как в источниках, даже поздних — XIX в., не оговорено, женаты ли сыновья, а, следовательно, стала ли семья большой. Если это трудно сделать даже по отношению к памятникам нового времени, легко себе представить, как ненадежны в этом смысле средневековые свидетельства. А, между тем, в литературе нередки случаи, когда свидетельство типа «Райко с сыновьями» безоговорочно толкуется в пользу существования семейной общины. Наблюдение М. Филиповича справедливо обращает внимание исследователей на необходимость в подобных случаях вначале установить, вступили ли сыновья в брак.

Существует еще одна проблема задружного цикла — проблема исторических корней семейной общины. Естественно, что рассмотрение этого вопроса можно осуществить лишь с помощью археологических свидетельств — письменные данные для ранних периодов европейской истории отсутствуют. К этим свидетельствам и обращается в своей небольшой статье «Новые факты для доказательства существования задруг в эпоху славянской общности» М. Гавацци¹⁷, убежденный сторонник идеи древнего происхож-

¹³ М. Krasnići, Указ. раб., стр. 137—173.

¹⁴ V. Konstantinović-Čulinović, Posljednje porodične zadruge u Hrvatskom Zagorju, ZNZO, knj. 45, Zagreb, 1971, str. 423—449.

¹⁵ М. С. Филиповић, Различита етнологија грађа, Београд, 1967, стр. 50, 244.

¹⁶ М. S. Filipović, Posljedni dani ustanove kućne zadruge u Bosni, «Sociologija», 1961, Beograd, broj 3—4, str. 70—81.

¹⁷ М. Gavazzi, Novije činjenice za dokaz opstojanja zadruge u doba slavenske zajednice, «Etnoloski pregled» (далее — EP), 5, Beograd, 1963, str. 23—32.

деяния семейной общины. Как известно, И. Строхал и Я. Пейскер утверждали, что славяне не знали задруги на своей прародине, на Восточно-европейской равнине, и не могли оттуда принести ее на Балканы. Действительно, знали ли ее древние славяне? Так, проблема исторических корней семейной общины ведет М. Гавацци к восточнославянским древностям. Он оценивает работы советских археологов, излагает результаты раскопок, произведенных в последние десятилетия на Дону, Ворскле, Суле, Сейме, в Старой Ладоге и в Пскове и в итоге приходит к выводу, что некоторые раскопки (например, М. Макаренко в Монастырщине) не дают оснований судить о крупных семейных коллективах — они открыли дома размером всего 11—15 м². Но раскопки в Старой Ладоге и ряде других мест, где были открыты дома по 40 и даже 100 м², являются явным свидетельством существования большесемейных коллективов — «раскопанные дома и их хозяйственный инвентарь принадлежали к большим задружным семьям» (стр. 28). В статье Гавацци привлекает исходная позиция автора — стремление найти истоки задруги в далеком прошлом, а также его интерес к трудам советских археологов.

Интерес, проявленный югославскими этнографами к восточнославянской археологии, позволяет, не выходя за рамки обзора, обратиться к статье Ю. М. Рапова «Была ли вервь „Русской правды“ патронимией?»¹⁸. Содержание работы явно шире ее заглавия, она направлена не только против идеи о тождестве верви и патронимии, но и против мнения о существовании семейных общин у древних славян. Автор пишет: «Ни большие патриархально-семейные общины, из которых, по словам М. О. Косвена, должны были бы образоваться патронимии, ни сами патронимии... для домонгольского периода Руси не прослеживаются» (стр. 117). Мне кажется сомнительным и этот окончательный вывод и способы его доказательства. Трудно поверить прежде всего в то, что у славян на восточноевропейской равнине, начиная уже с VI в., все формы родственных коллективов, включая род и большую семью, были уже пройденным этапом. Частная собственность, частное присвоение, индивидуальное ведение хозяйства, отсутствие родовых связей как средств социальной защиты — и все это уже с VI в.? И это в условиях, где отсутствовало сколько-нибудь значительное внешнее воздействие? Сомнительно...

Присмотримся теперь к аргументации Ю. М. Рапова. Нетрудно заметить, что отмечаемые им «жилища очень небольших размеров» (15—20 м² роменско-борщевского типа, 25 м² в городищах VI—VIII вв.) зафиксированы либо для достаточно раннего периода славянской истории, когда строительная техника была еще весьма примитивной, либо для южных районов нашей родины, где было мало лесов и преобладало строительство полужемлянок. По крайней мере для староладожских, т. е. северных построек, характерны совершенно иные, очень обширные дома в 40—100 м². Но почему дома в 20—25 м² должны считаться тесными для больших семей? Не говоря уже о том, что мы никак не осведомлены о том, какая теснота в доме считалась предельной для раннего средневековья, дом в 20—25 м² вполне мог вместить семью из трех поколений. Мысль Ю. М. Рапова о том, что пашенное земледелие способно было само по себе уничтожить семейную общину (стр. 111), как мне представляется, основано на недопонимании — ведь в таком случае становится просто необъяснимым существование подобных общин в XIX и даже в XX в.

Наконец, последнее соображение. Ю. М. Рапов ищет семейную общину только там, где имеется налицо определенный набор твердо установленных признаков этой общины, таких, как главный дом — место совместных трапез, общие хозяйственные постройки и — для восточных славян — переходы между жилищами. Не находя их, он отказывает славянам VI—IX вв. в праве на семейную общину. Но ценность южнославянского этнографического материала, между прочим, в том и состоит, что он рисует значительное многообразие большесемейных форм даже в XX в., в эпоху сравнительно унифицированного социального развития. Можно ли судить о существовании (или отсутствии) семейной общины в далеком прошлом, исходя из представления о каком-то большесемейном эталоне, да еще с помощью не прямых, а косвенных археологических данных?

Вряд ли статья Ю. М. Рапова, игнорирующая эти обстоятельства, может считаться удовлетворительным решением поставленной задачи.

Еще одной проблемой, имеющей отношение к родственным коллективам и возбуждающей научные страсти даже в большей степени, чем проблема задруги, является проблема рода. Само понятие «род» в условиях современной Югославии почти полностью утратило значение родственного коллектива. По наблюдениям Н. Павковича, слово «род» и близкие к нему по смыслу («родбина», «свойта», «свойлук») употребляются для обозначения связи между широким кругом родственников. Под этими словами подразумеваются родственники по женской линии («само женске иде у род»). Круг родственников, связанных этим понятием, экзогамен, в наши дни он простирается до четвертого колена, а некогда включал и девятое¹⁹.

В значительно большей степени родственные связи воплощаются в так называемых «братствах» и «племенах», о которых существует обширная и продолжающаяся растущая литература. В 5-е годы проблема «братств» исследовалась на средневековом материале.

¹⁸ «Сов. этнография», 1969, № 3, стр. 106—117.

¹⁹ N. Pavković, Selo i zadruga, str. 189.

О. Мандич, известный хорватский социолог, опубликовал работу о братстве в Хорватии в раннем средневековье, и мне уже приходилось характеризовать его взгляды²⁰. Несколько лет спустя разгорелась длительная полемика между О. Мандичем и Н. Клайчи по вопросу о средневековых хорватских «племенах»²¹, свидетельствующая об интересе к этому предмету в современной науке.

Связь, существующая между современной семейной общиной, с одной стороны, и племенами и братствами — с другой, несомненна. Этнографы находят и описывают те и другие одновременно. М. Филипович, охарактеризовав задругу в Динарском районе, тут же сообщает сведения о черногорских братствах — они имели «братственные» леса, общие места в церкви и трапезные столы²². М. Баряктарович рассматривает большую семью и братства (в Косове они именуется понятием «род») в качестве звеньев одной и той же цепи развития²³. Новейшие исследования обнаружили, что задруги и братства с племенами часто взаимозаменяемы и по одной из своих социальных функций — защите своих членов. Поэтому там, где за каждым человеком стоит «фис» (племя) или «байрак» (условно союз племен) как в Северной Албании или Черногории, нет особой нужды в задругах и они действительно неразвиты. И, напротив, там, где племенные отношения относительно слабы, мы находим сеть крупных и устойчивых задруг (в Косове)²⁴.

Современные племена чаще всего встречаются в Черногории. Их характеристике была посвящена монография С. Вукосавлевича «Организация динарских племен»²⁵, книга обстоятельная и многоплановая. Автора интересуют черногорские племена (Васовичей, Дробняков, Белопавличей) и албанские (Красничей, Хотов), живущие в наиболее удаленном районе Динарского массива. Он характеризует их занятия (преимущественно скотоводство); порядок, согласно которому чужаки вливаются в состав племени; самосознание их членов. Специальному рассмотрению подвергнут вопрос о том, являлось ли племя военной организацией (С. Вукосавлевич убежден, что не являлось). В итоге обосновывается вывод о Черногории как «племенном государстве». Однако одной из главных тем, которые занимают С. Вукосавлевича, является происхождение племен — старая и давно обсуждаемая проблема.

Еще К. Иречек выдвинул гипотезу, согласно которой старые роды и племена у южных славян были уничтожены в процессе феодализации, вначале под византийским господством, а затем в рамках их собственных государств. Архаический строй исчез. Новые племена формировались на принципиально иной основе — из поселений «влахов» — скотоводческого, подвижного, зачастую дославянского населения. Эти поселения носили название «катуны»²⁶. Идею К. Иречка о гибели старых племен и их воссоздании на основе катунов в турецкую эпоху активно поддержал М. Шуффлай²⁷. Напротив, этнографы и антропологи, прежде всего Й. Цвиич и Й. Ерделянович, отрицают оживления племенных отношений при турках с XV в., возводят эти отношения ко времени расселения славян на Балканах²⁸. Так возникает контрверза: появились ли динарские племена в глубокой древности, восходят ли они к старославянскому родо-овому строю или являются новообразованием, возникшим в турецкую эпоху?²⁹

Мысль К. Иречека и М. Шуффлая о роли влахов-скотоводов и пастушеской организации в возобновлении племенного быта с XV в. в современной науке поддержал Б. Джурджев. По его мнению, пастушеский режим давал возможность ухода от феодального притеснения, а возникающая на его основе родственная организация обеспечивала ее членам социальную защиту³⁰. Правда, Б. Джурджев оговаривает, что новые племена возникли не как простое повторение катунов, а как соединение родовых

²⁰ О. Мандић, *Bratstvo u ranosrednjovjekovnoj Hrvatskoj*, «Historijski zbornik» (далее — HZ), god. V, Zagreb, 1952, s. 225—298; М. М. Фрейденберг, *К истории общины на Балканах* (Проблемы общины в югославской историографии), «Византийский вестник», т. XXI, 1962, стр. 199—201.

²¹ Н. Клайчић, *Postanak plemstva «dvanaestero plemena kraljevine Hrvatske»*, HZ, XI—XII, 1959, str. 121—163; О. Мандић, «Pacta conventa» i «dvanaest hrvatskih bratstava», там же, стр. 165—206; см. также выступления Н. Клайчи и О. Мандича: HZ, XIII, 1960, str. 303—320.

²² М. С. Филиповић, *Различита этнолошка грађа*, стр. 52, 181, 182.

²³ М. Баряктаровић, *Указ. раб.*, стр. 98 и сл.

²⁴ М. Красничић, *Šiptarska porodična zadruга*, стр. 158.

²⁵ С. Вукосављевић, *Организација динарских племена*, «Српска Академија наука, Посебна издања», књ. ССLXX, Београд, 1957.

²⁶ К. Иречек, *Историја Срба*, II, стр. 44.

²⁷ М. Шуффлај, *Срби и Арбанаси*, Београд, 1925, стр. 61—69.

²⁸ Ј. Цвијић, *Балканско полуострво и јужнословенске земље*, Београд, II, 1931, стр. 52; Ј. Ерделяновић, *Неке црте у формирању племена код динарских Срба*, «Гласник географског друштва», св. V, Београд, 1921, стр. 73.

²⁹ См.: М. Вагјактаговић, *О balkanskim plemenima*, «Албанолошка истраживања. Издање Филозофског факултета у Приштини», књ. III, Приштина, 1965—1966, стр. 99—112.

³⁰ Б. Бурђевић, *О кнезовима под турским управом*, «Историски часопис», год. I, Београд, 1948, стр. 147, 148.

системы этих катунов с территориальной организацией славянской жупы. Но самый катунок, по его (да и не только его) убеждению, является носителем именно родовых отношений, и эта точка зрения нашла последователей. Это отчетливо обнаружилось во время обсуждения всей «катунской» проблемы в Сараеве в 1961 г.

Но сначала — еще о нескольких работах, посвященных племенному быту. В 1959 г. Е. Чубрилович посвятил небольшую (52 стр.) книгу характеристике тех терминов, которыми обозначаются родственные отношения в Черногории, «колен», «ближиков», «задруга», «рода», «племен» и «братств»³¹. Нельзя сказать, чтобы научная позиция В. Чубриловича отличалась новизной³², работа интересна скорее как сводка данных XIV—XIX вв. Но общая концепция автора любопытна, это — идея о разрушении прежнего общества на территории Зеты (будущей Черногории) в процессе турецкого завоевания и возникновения нового, «племенного» общества под воздействием горных, скотоводческих катунов, объединяющихся с прежним населением в рамках территориальных жуп.

Работа В. Чубриловича явилась для Т. Вукановича поводом для обстоятельной (по объему не меньшей, чем сама книга) рецензии, одна из глав которой посвящена истории вопроса о родственных отношениях у черногорцев и албанцев³³. Т. Вуканович согласен с В. Чубриловичем: современный племенной быт и черногорцев и албанцев возникает как результат соединения древней славянской организации с пастушеским строем вlahов-скотоводов. Но по поводу братства у него есть дополнительные соображения. Данные полевых исследований позволяют ему подтвердить существование братств двух типов — «чистых» и «смешанных» («сложных» — пишет автор). «Чистые» братства связаны: 1) реальным родством (или по крайней мере памятью об общем, реальном предке), 2) общим именем, 3) общим поселением, 4) пребыванием под властью одного главаря. 5) экзогамией и 6) хозяйственным единством — общей альмендой. «Смешанные» же братства образуются соединением родственных групп, как правило, одного старинного и одного нового. братства (стр. 219). Таким образом, Т. Вуканович развивает интересную мысль о том, что братства могли возникать не только на родственной базе.

Но вернемся к проблеме катуна. К началу 60-х годов наметилась необходимость выделить в этой теме ряд основных вопросов. Ими оказалась локализация средневековых вlahских катунов, их внутренняя структура, соотношение в их рамках родовых и территориальных элементов, их современное состояние. Обсуждению этих тем и был посвящен состоявшийся в Сараеве в ноябре 1961 г. симпозиум, результаты которого были обобщены в сборнике «Симпозиум о средневековом катуне»³⁴.

В докладе о территориальной распространенности средневековых катунов И. Трифуноски высказал мысль о том, что с переходом вlahов-скотоводов под власть турок кочевой образ жизни стал невозможен, скотоводы начали переходить к оседлости и это позволило катуну превратиться в обычное село, а далее трансформироваться в племя. Этот вывод мне представляется не только мало доказанным (И. Трифуноски не приводит документальных данных в его пользу), но и сомнительным теоретически — вряд ли турки, едва успев завоевать полуостров, смогли сразу же помешать налаженному в течение столетий хозяйственному быту. К тому же участники симпозиума высказали законное сомнение в том, что вlahи были кочевниками до XV в. Второй доклад (Д. Ковачевич, «Средневековый катунок по дубровницким источникам»), основанный на архивном материале с рядом любопытных наблюдений, завершился выводом о том, что катуну были присущи родовые связи. Так обрисовалась проблема, оказавшаяся в центре внимания участников симпозиума — можно ли считать катунок объединением родственников, можно ли возводить его к роду.

Организатор симпозиума М. Филипович отверг эту мысль. Он охарактеризовал размеры средневекового катуна (10—40 домохозяйств), его этническую принадлежность (различие между вlahами славянского и романского происхождения), разделение труда в катуне — существование как воинов, так и носильщиков или погонщиков. Филипович обратил внимание на то, что названия катунов не носят патриимического характера и вообще не производятся от личных имен, на то, что в их составе налицо люди различного (в том числе и различного этнического) происхождения, наконец, на существование в рамках катунов зятьев и шуринов, что было бы невозможно, если

³¹ В. Чубрилович, Терминологија племенског друштва у Црној Гори, «Српска Академија наука. Посебна издања», кн. СССХХI. Б., 1959.

³² Иногда она и не отличается четкостью. Так, автор пишет, что братство означает «родственно-экономическую общность большей или меньшей группы семей» с целым рядом компетенций территориального, управленческого, экономического, имущественно-правового, уголовно-правового, военного и религиозного характера (стр. 45, 46).

³³ «Гласник музеја Косова и Метохије (далее — ГМКМ), IV—V, 1960, стр. 199—242. Т. Вуканович хорошо знает советскую этнографическую литературу и нередко на нее откликается. См. его рецензии на работы С. А. Токарева «Религиозные верования восточнославянских народов XIX—нач. XX в.» и «Сущность и происхождение магии» в ГМКМ, VII—VIII (1964), стр. 500—505; рецензию на раздел «Народы Югославии» в томе «Народы зарубежной Европы», ГМКМ, IX (1965) стр. 641—653.

³⁴ «Симпозиум о средњовековом катуну, одржан 24 и 25 новембра 1961», Сарајево, 1963.

бы катуны были бы родом, ибо род того времени мог быть только патрилокальным. Эти факты позволили ему обосновать вывод о том, что средневековый катуны не являлся родовым объединением.

Доводы М. Филиповича не были опровергнуты его оппонентами и выступивший после него Б. Джурджевич лишь повторил свою старую мысль о родовых истоках катуны и о последующем превращении его в территориальную общину. Дискуссия, развернувшаяся в Сараеве, не привела к победе какой-либо одной, определенной точки зрения. Очевидным стало лишь, что прежнее мнение о катуне, как носителе архаических, преимущественно родовых отношений, нуждается в коррективах. Тем не менее, сараевский симпозиум, на мой взгляд, положил конец тому этапу в историографии проблемы, когда свидетельства письменных источников использовались отрывочно и достаточно бессистемно. Наступило время обращения к архивным данным и обработки этих данных с помощью статистических методов (см. таблицы в докладах М. Филиповича и Д. Ковачевич).

Проблема родственных коллективов затрагивается и в тех работах югославских ученых, которые посвящены установлению аналогий в культурном развитии балканских народов и народов других регионов Европы, например Кавказ. Сходство это отмечено не сегодня³⁵, выход в свет тома «Народы Кавказа» в серии «Народы мира» подстегнул интерес к этой теме и дал новую пищу для размышлений. Ш. Кулишич вновь обратился к этому сюжету с целью отыскать новые элементы сходства и по-новому объяснить их³⁶.

Он отмечает сходство в различных областях материальной культуры: в постройке жилищ, устройстве очагов, характере скотоводства и в организации летних кочевий, в способах приготовления пищи (например сыра). Удивительным образом совпадает и пастушеская терминология — например «катуны» на Балканах — «коутани» на Кавказе. Совпадения отмечаются в одежде и утвари — украшенные монетами женские головные уборы, мужские накидки типа коротких «кабаниц»; геометрический орнамент украшает и балканские и хевсурские ковры, деревянные чашки, посохи и столы. Сходен обычай заготавливать дубовые ветки к сочельнику с последующими магическими актами, обычай призывать на помощь духов во время поминальной трапезы. Аналогии наблюдаются в свадебных обрядах — встреча невесты верховыми друзьями жениха, бросание плодов через крышу, первая ночь, проводимая с деверем, обычай не называть друг друга по имени у молодых супругов, наконец, реликты матрилокального и дислокального брака. Итак, данных для подтверждения мысли о сходстве в культуре народов Кавказа и Балканского полуострова, кажется, достаточно. Попутно отметим, что подобное сходство существует не только между балканскими и кавказскими народами. Сам же Ш. Кулишич отмечает, что примитивное рало определенной конструкции встречается также у иранцев, скандинавов и месопотамцев (стр. 122), короткая накидка с длинными рукавами встречается также на Украине, культ деревьев у множества народов похож на кавказские и балканские обычаи (стр. 128, 129), кукла, которую используют для призыва дождя, встречается также в южных районах Украины (стр. 132).

Интересно объяснение, предлагаемое Ш. Кулишичем. Он обращает внимание на очень древнюю, зачастую еще дославянскую основу многих балканских культурных явлений, которую он возводит к иллиро-фракийцам. В ряде случаев он прослеживает конкретные дославянские корни обнаруженных им феноменов (в организации примитивных сельских жилищ — стр. 118; системе овцеводства — стр. 121; типе украшений — стр. 124; кукол, изготавливаемых с магической целью — стр. 132). Здесь Ш. Кулишич возвращается к мысли, которую он не раз развивал ранее, к идее симбиоза пришлого славянского и автохтонного иллиро-фракийского населения полуострова³⁷. Именно в процессе этого симбиоза славяне усвоили многие из тех реликтов матриархата, которые, по его наблюдениям, так долго сохраняются в балканском сельском быту³⁸. Недаром понятие «предпатриархальный» в качестве синонима понятия «дославянский» так часто фигурирует в его статье: дославянское матриархальное общество и является, по мысли Ш. Кулишича, тем субстратом, который может иметь общие корни с кавказским обществом. «Многочисленные остатки матриархата... как в кавказском, так и в древнем балканском и в нашем родовом обществе показывают, что тождество кавказского и балканского родового общества ведет свое первоначальное происхождение из допатриархальной эпохи» (стр. 141).

Конкретным примером, подтверждающим общее происхождение, по мнению И. Ердельяновича, является внешнее сходство жителей Динарских Альп («динарская раса»)

³⁵ A. Buh an, *La civilisation caucasienne*, Paris, 1936; K. Moszynski, *Znaczenie etnografji Kaukazu dla badan etnologicznych na Balkanach*, «Lud Słowianski», III, Krakow, 1932.

³⁶ S. Kulišić, *Neke kavkasko-balkanske kulturne podudarnosti*, «Centar za balkanološka ispitivanja. Godisnjak», knj. IV, Sarajevo, 1966, str. 117—149.

³⁷ S. Kulišić, *Tragovi arhaične rodovske organizacije i pitanje balkansko-slovenske Simbioze*, Beograd, 1963.

³⁸ S. Kulišić, *Matrilokalni brak i materinska filijacija u narodnim običajima Bosne, Hercegovine i Dalmacije*, ГЗМ, 1958, str. 51—75; ГЗМ, 1959, str. 307—309.

с армянами³⁹. Мнение о сходстве динарского атропологического типа (в частности, черногорского) с некоторыми народами Кавказа поддерживается и в советской этнографической литературе⁴⁰.

Таковы в общих чертах позиции югославских ученых в вопросах семейной общины и других родственных коллективов. Нетрудно заметить, что в перечне подвергнувшихся изучению проблем почти отсутствует тема архаических, давно исчезнувших форм большой семьи. После работ 50-х годов о происхождении задруги⁴¹ интерес к подобным сюжетам явно ослабел. В этом отношении советская наука имеет очевидные преимущества — в последние годы здесь активно разрабатывается такая тематика⁴².

Не получила признания в югославской этнографии и выдвинутая М. О. Косвеном концепция патронимии, хотя, на мой взгляд, лежащая в ее основе мысль о сохранении связей между членами разросшегося и разделившегося коллектива вполне может объяснить факт существования традиционных динарских «братств» и «племен». Тем не менее Ш. Кулишич в своей рецензии на книгу М. О. Косвена «Семейная община и патронимия» отверг возможность отождествления с патронимией братств и других коллективов родичей (например, албанского «барк») ⁴³. Ему кажется, что более точным названием для той родственной группы, которую М. О. Косвен называет патронимией, является «род», но не классический род первобытности, а род, сохраняющийся в классовом обществе. Ш. Кулишич возражает против идеи патронимии еще и потому, что она заключает в себе элемент патриархальности, по его же убеждению, родственные группы у южных славян содержат сильные пережитки материнского рода. Но ведь главное в теории патронимии не название, его с успехом можно заменить другим, например, «сегментированная семейная община»⁴⁴, а идея сохранения связей — имущественных, родственных, идеологических — между членами разделившегося семейного коллектива. Эти связи могли существовать и в группах весьма различного состава, важно лишь, чтобы здесь присутствовал момент разрастания и последующего раздела какого-то ядра, а вот эта-то мысль и чужда Ш. Кулишичу. Предлагая снять понятие патронимии — не название, а всю сумму признаков, и заменить его понятием рода, Ш. Кулишич тем самым выбрасывает и эту плодотворную идею.

Попытки изучить семейные общины и родственные группы, таким образом, дали много интересного. Если эта работа будет продолжена, в науку будет введен свежий и поучительный материал, касающийся сюжетов, которые всегда живо интересовали и югославских и советских исследователей.

³⁹ J. Erdeljanović, Nekoliko etničkih problema kod Južnih Slovena, str. 365.

⁴⁰ «Народы зарубежной Европы», т. I, М., 1964, стр. 37, 41; «Народы Кавказа», т. I, стр. 30.

⁴¹ O. Mandić, Klasni karakter buržoaskih teorija o postanku zadruga; Š. Kulišić, O postanku slovenske zadruga.

⁴² Ю. В. Бромлей, К вопросу о сохранении семейных общин в Далматинской Хорватии, сб. «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран», М., 1963, стр. 67—71; его же, Становление феодализма в Хорватии, М., 1964; J. V. Bromley, The archaic form of the communal family, «Proceedings VIII-th International Congress of Anthropological and Ethnological sciences, 1968, Tokyo and Kyoto», vol. II, «Ethnology».

⁴³ Š. Kulišić, O zadrugi i patronimiji, EP, sv. 5, 1963, str. 69—79.

⁴⁴ Ю. В. Бромлей, Становление феодализма в Хорватии, стр. 176 и сл.

М. М. Фрейденберг

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ

A. Lommel. Masken. Gesichter der Menschheit. Zürich, 1970, 230 S.

Имя Андреаса Ломмеля хорошо известно читателям многих стран — ученым и неспециалистам. Он автор интересно написанных, превосходно изданных и хорошо иллюстрированных книг. Это работы об аборигенах Австралии, их культуре и трагической судьбе в современном мире¹, и книги, посвященные первобытному искусству², а также исследование о шаманизме³.

¹ A. Lommel, Die Unambal, ein Stamm in Nordwest-Australien, Hamburg, 1952; его же, Fortschritt ins Nichts. Die Modernisierung der Primitiven Australiens, Zürich, 1969; A. Lommel, K. Lommel, Die Kunst des fünften Erdteils Australien, München, 1959.

² A. Lommel, Motiv und Variation, München, 1962; его же, Prehistoric and Primitive Man, London — New York — Toronto, 1966; его же, Vorgeschichte und Naturvölker, Gütersloh, 1968.

³ A. Lommel, Die Welt der frühen Jäger — Medizinmänner, Schamanen, Künstler, München, 1965. (в пер. на англ. яз.: «Shamanism, The Beginnings of Art», New York-Toronto, 1967).